

ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. И. Конюшкевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Реферат. *Рассматриваются различные точки зрения на современную научную парадигму в лингвистике. Автор представляет свое видение параметров парадигмы и показывает их изменения в современной парадигме в сравнении с прежней. Отмечаются следующие тенденции в методологии лингвистических исследований: функционализм как ведущий принцип; вовлечение в поле исследовательского внимания большего количества объектов и источников из смежных областей знания и вместе с тем все более дробная дифференциация этих объектов; учет конгруэнтности соотношения «язык — наука о языке»; учет различных ипостасей русского языка — от национального языка Российской Федерации до языка семейного общения; ориентация на объективную грамматику, т.е. на систему, а не на норму; включение в научную парадигму фактора конвергенции вербальной и технологической речевой деятельности носителей языка; отказ от жестких классификаций и принятие континуумности языка; внимание к речевой деятельности и, соответственно, к функционально-коммуникативной стороне языка. Автор обращает внимание на необходимость описания релятивного потенциала языка.*

Ключевые слова: *парадигма, методология, лингвистические исследования, коммуникация, функционализм.*

Предварю изложение статьи двумя высказываниями. Первое услышано от одного польского коллеги по поводу моего ответа на его вопрос о моих научных интересах. Узнав, что меня интересует релятивная грамматика, он шутливо заметил: «Вы устарели. Европу теперь интересует не просто релятивная грамматика, а релятивная грамматика президента, релятивная грамматика банкира, релятивная грамматика парикмахера, релятивная грамматика идиота...».

Вторым высказыванием завершила интересный, как всегда, доклад на одной из конференций в Минске профессор Белорусского государственного университета Н. Б. Мечковская: «Можно констатировать, что современное синхронное языкознание себя исчерпало».

Оба высказывания относятся к середине первого десятилетия XXI в. и примечательны тем, что косвенно ставят вопрос об объекте и предмете современной лингвистики, а это соответственно касается не только методологии лингвистических исследований, но и научной парадигмы в целом.

Термин *научная парадигма*, получивший широкое распространение и ставший популярным, несмотря на разные дефиниции, понимается исследователями однозначно, хотя в качестве его синонимов встречаем и другие понятия — «тенденция», «научная школа», «традиция», «принципы», «подход», «эпистема». В любом случае в понятийное ядро термина *парадигма* включают некую сумму признаков, характеризующих систему, параметры и среду определенного процесса в конкретный период времени. В таком понимании термин *парадигма* вошел в употребление и в других областях знания — *культурная парадигма, образовательная парадигма, семиотическая парадигма, гуманитарная парадигма* и т. д.

Обзор литературы по русистике, которую можно отнести к русской (шире — к восточнославянской) культурно-научной традиции, свидетельствует о широкой

разбежке мнений о современной парадигме в лингвистике. Самое распространенное мнение в пользу ее революционного характера, отсюда и характеристики *когнитивная парадигма, дискурсивная парадигма, коммуникативная парадигма*. О. Н. Трубачев представлял ее одним из крупных возвратов к старой [1], Б. Ю. Норман называет ее своего рода «эффектом расширяющейся Вселенной» [2], т.е. паритетным сосуществованием новых и старых знаний о языке. Исследователи представляют периодизацию парадигм: а) три периода (классический, неклассический и неонеклассический) [3]; б) два этапа (редукционистский, восходящий к Ф. де Соссюру, и когнитивный, начавшийся с 60–70 гг. XX в.) [4].

Существует и радикальное мнение: лингвистика перестает быть наукой, ибо современные лингвисты “не считают нужным подводить под выдвигаемые теории аргументационную базу”, “легкодумно, без всяких на то оснований порывают с традицией”, “подвергают сомнению дихотомию язык — речь”, “освобождают лингвистику от терминов и понятий *форма и содержание*”. Звучит призыв: “от плюрализма нужно двигаться в сторону монизма, от предположений и мнений — к адекватному знанию, от гипотез — к теории” [5, с. 18].

Какое бы содержание ни наполняло термин *научная парадигма*, оно предполагает наличие таких параметров, как объект, предмет и задачи исследования, ведущие методологические принципы, методика исследования, способы и средства выводимости знания и предъявления результатов исследования, сам характер этих результатов, критерии и способы верификации полученного знания, интерпретация и использование результатов в научных теориях и практике. И поэтому говорить о революции в парадигме мы можем в том случае, если изменениям подверглись все ее параметры, а результаты исследований кардинально меняют представление о мире.

Наблюдаем ли мы изменения в общенаучной (а конкретизируя — в гуманитарной, филологической, лингвистической) парадигме? Несомненно. Доксу “Человек владеет языком” сменила Эпистема “Язык владеет человеком”, заставившая лингвистов перевести свое внимание с разноуровневых конструкторов языка на речевую деятельность, что привело к изменению и предмета: вместо системы как иерархии элементов — взаимодействие элементов системы в коммуникации; вместо диады «форма – значение» — триада «форма – значение – функция»; вместо «язык в самом себе» — «язык во взаимодействии со средой».

Едва ли есть необходимость комментировать каждый из параметров парадигмы, однако на некоторых следует, на наш взгляд, остановиться. Первое — это определение ведущего методологического принципа в исследованиях: для современной парадигмы в качестве ведущего принципа, сменившего прежний принцип редукционизма, разными исследователями называется какой-либо из трех — функционализм, когнитивизм или антропоцентризм.

На наш взгляд, применительно к лингвистике было бы более корректным говорить об одном принципе — принципе функционализма, которым поглощаются два других, ибо все многочисленные **функции** языка проявляются не иначе, как только в когнитивной и коммуникативной деятельности человека. К тому же термин *когнитивизм* стал использоваться в столь многих смыслах (охватывая и психологию познания, и обработку информации, и декодирование текста), что его границы потеряли свои очертания. Насколько можно судить по трактовке и использованию принципа когнитивизма в исследованиях по русистике, то и он представляет собой часть все того же принципа функционализма применительно к отношению «человек – язык – мир». Принципиальным является лишь то, что преодолена монополия принципа редукционизма, исследующего язык в отрыве от его носителя и от реального мира.

Прежние методологические параметры (имманентность, отрыв языка от речи, имперсональность, дихотомия «синхрония / диахрония», анализ, монизм, конфронтация

взглядов, словоцентризм) сменились (или точнее — дополнились) такими новыми параметрами, как взаимосвязь языка и речи, панхронизм, персонализм, плюрализм, дискурсивность, координация взглядов, междисциплинарность, текстоцентризм.

Соответственно расширилось и поле исследовательского внимания (объекты исследования): в него вовлечен язык власти и бизнеса, сакральный ономастикон, возрожденная топонимия, запретная лексика криминального мира, устный и письменный подлексиконы субкультур, слова-паразиты в русском языке и механизмы их живучести в речи, новые семантические метафоры, язык отдельной языковой личности [6], язык масс-медиа как особый, медийный, стиль, наконец, язык Интернета, определяющий наше «языковое существование» [7].

«Проблемное поле лингвистической науки конгруэнтно процессам в самом языке» [8, с.13]. Русский язык в конце прошлого столетия стал переживать активные, если не сказать, революционные процессы своего развития. Черты нового в эволюции русского языка в самом обобщенном виде исследователи видят не только во внешних процессах (сужение и последующее заметное расширение социолингвистических позиций русского языка на постсоветском пространстве, англо-американизация русского словаря и смена лексических парадигм в целом, но и во внутренних — в сокращении числа обязательно выражаемых значений, в росте числа “гибридных” разрядов слов, в доминировании тенденции к экономии речевых средств, в количественном превалировании признаковых номинаций над предметными [9, с. 28], а следовательно — в насыщении русской речи неизосемическими словами и предложениями, ведущими к конденсации смыслов в целом.

Все значительнее для выводимости знания становятся не систематизация и классификации, а объяснительность и вероятностность, не зеркальное копирование объекта, а моделирование. Естественно, и получаемые результаты представлены не только таксономическими классами, но и моделями, характеризующимися ярко выраженной аксиологичностью.

Современный русский язык функционирует и изучается в различных ипостасях: а) язык русской нации; б) язык Интернета; в) язык Российской Федерации; г) государственный или официальный язык в ряде стран СНГ; д) язык общения в ряде стран на постсоветском пространстве, не членов СНГ; е) русский язык СМИ (в этой ипостаси он порой признается как доминирующий язык эпохи); ж) язык семейного общения.

Каждая ипостась русского языка представляется особым объектом и имеет свои сферы функционирования, обуславливающие предмет и методику исследования вплоть до формирования и становления особой ветви лингвистики: Интернет (Интернет-лингвистика), политика (политическая лингвистика), юридическая сфера (юрислингвистика, лингвистическая криминология), компьютер (компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика), образование (методика преподавания русского языка, лингвострановедение), экология языка и языковой личности (эколингвистика), культура (лингвокультурология), этнос (этнолингвистика), социум (социолингвистика), другие языки (компаративистика), коммуникация (прагмалингвистика, теория коммуникации, динамическая лингвистика [10]), гендер (гендерная лингвистика), масс-медиа (медиалингвистика), дискурс (дискурсивная лингвистика)³. Все более глубокое проникновение в семантику языковых единиц вызвало необходимость использования, наряду с понятиями «смысл», «значение», «сема», «семантический признак», понятий «кварк» [11], «наносмысл», что наводит на мысль о возможности даже такого направления, как нанолингвистика (впервые, если не ошибаюсь, такой термин был отмечен в работах В. К. Харченко).

³ Кстати, на прошедшем 2—26 августа 2013 г. в Минске XV международном съезде славистов Международным комитетом славистов сверх уже имеющихся 36 комиссий были аккредитованы Комиссия по медиалингвистике и Комиссия по дискурсивной лингвистике.

Актуально для лингвистической науки и соотношение идеологической и научной парадигм. Научная парадигма, особенно если она связана с таким объектом, как слово, неизбежно взаимодействует с идеологической парадигмой, в распоряжении которой также находится слово, с той разницей, что в первой слово является объектом изучения, во второй — инструментом воздействия. Поскольку объектом современной лингвистики находится и слово как инструмент воздействия (т. е. дискурс в целом), то лингвистика должна изучать и потенциал такого инструмента, и «технология» его действия, тем более что технологиям воздействия словом уделяется огромное внимание во всем мире, поскольку изменился сам **уклад жизни современного общества** на всей планете.

Ссылаясь на статью Я. Н. Засурского, тезисно отметим эти изменения. Общество потребления уступило место обществу пользователей информации, причем информации доступной, скоростной, непрерывной, формирующей новые, наднациональные, общности, не зависящие от государственных границ, с новыми качествами и потребностями. В глобальных сетях формируются новые элиты (информационные, финансовые, экономические), владеющие не только материальным, но и виртуальным миром. В обществе меняется соотношение ценностного и нормативного во всех формах человеческой деятельности. С доминирующей идеи, организующей жизненный порядок и предписывающей социальные роли и формы поведения, акценты смещаются на личность во всем богатстве ее неповторимости и уникальности. Этот процесс сопровождается преобладанием ценностного над нормативным [12].

Отношение к норме в жизни не могло не повлиять и на отношение к норме в языке: из запрета норма превращается в выбор (Ю.Д. Апресян предложил шкалу градации нормы / не-нормы в 6 делений [13, с. 48]). Отсюда встает вопрос: какую модель описания языка должна представить лингвистика — нормативную или отражающую всю стихию языка? Поскольку за пределами существующих нормативных грамматик и словарей остается значительный пласт языковых фактов, все больше лингвистов склоняется в пользу объективной грамматики: лингвистика обязана выявлять, собирать и объяснять всю стихию языка, и это отнюдь не означает отрицания нормативной грамматики. «Только зная весь языковой корпус, мы можем прогнозировать изменения в норме, которые независимо от нашего к этому отношения происходят в языке» [14, с. 88].

Изменение уклада жизни человеческого сообщества обусловило и характер современной коммуникации. Происходит конвергенция информационных потоков и проводящих информацию каналов. Идет синтез технологий: наряду со словом на потребителя информации воздействуют свет, цвет, музыка, вода (фейерии на воде); свет, цвет, музыка, огонь (фейерверки); киноформаты (3 Д; 5 Д). Акулы шоу-бизнеса и масс-медиа борются за досуг потребителя информации. Идет формирование нового реципиента, который уже готов воспринимать информацию всеми сенсорными «приемниками» — зрительными, слуховыми, вкусовыми, обонятельными, даже тактильными.

Мир теряет материальные формы, но в этом зыбком мире возрастает и энергичная сила слова. На мир можно влиять словом: нажатием пальцев на клавиатуру свергаются с пьедесталов звезды, уходят политики, восходят кумиры, выигрываются или проигрываются войны... От плоскостного принципа подачи и восприятия информации мир пришел к стереоскопическому. Выдержит ли ресурс носителя языка для восприятия и присвоения столь многоканальной информации? Это предмет для раздумий специалистов из самых разных областей знания о человеке и обществе, в том числе и лингвистов, изучающих самый мощный инструмент воздействия — язык.

Разнообразие и сходство форм коммуникации, миниатюризация информационной и коммуникационной техники, самые изощренные способы упаковки информации не только приводят к развитию новых способов сжатия («ускоряющиеся темпы жизни

общества стимулируют появление более коротких кодовых знаков» [15, с. 37], свертывания и развертывания содержания, но и меняют само содержание на пути от автора к читателю, поскольку текст, проходя через информационные каналы, становится уже коллективным продуктом.

В лингвистических исследованиях все активнее используется методология синергетики, объясняющая зависимость смысла информации не только от языка, но и от источника сообщения. Представляется, что современному обществу требуется медиаобразование для подготовки реципиента к адаптации и противостоянию мощной манипулятивной силе медийного языка.

В свете новых знаний и понимания континуумности языка, который представляет собой деятельность — структурирование человеческим сознанием предметно-признакового континуума мира на оси реального времени [16], пришло время в описании языка переходить от конструкторов к моделям.

А. Е. Кибрик призывает русистов обратиться к наследию выдающихся предшественников, опередивших свое время на многие десятилетия. В частности, он цитирует высказывание А. М. Пешковского из предисловия к изданию его знаменитого труда «Русский синтаксис в научном освещении» (1928 г.): «В настоящее время я считаю классификационный путь вообще непригодным для установления синтаксических теорий» и обращается с риторическим вопросом: «Мало ли у нас русистов, преклоняющих колени перед великим Пешковским, которые основной целью всякой проблемы считают расклассифицировать изучаемые объекты по рубрикам и «клеточкам» и верят, что это можно сделать, не насилуя факты?» [17, с. 20].

Появились самые разные модели языка, причем границы и возможности языка как феномена чрезвычайно расширены: язык — это самопорождающаяся система, это «текст на оси времени (интертекст)», это полевая структура, это «бином сходств и различий», это результат метафоризации и метонимизации и т.д. Соответственно и сами модели получают коррелирующие названия — когнитивная модель, полевая, семантическая, дискурсивная, функционально-коммуникативная и др., причем каждая из моделей в соответствии с задачами исследования в определенной мере объективна и адекватна оригиналу.

Современная парадигма вынуждает исследователя допускать проницаемость и зыбкость границ между морфемой и словом, между словом и словосочетанием. Пришло понимание, что «резкое формальное разграничение уровней в языке на лексику, морфологию, синтаксис не всегда себя оправдывает. Лексика в словарях спит, а работает она в синтаксисе... Мы будем говорить о морфосинтаксисе и морфосинтаксических единицах» [14, с. 12].

Развитие научной сферы функционирования языка порождает специфическую научную фразеологию, существование многословных терминов, которые в структуре высказывания, независимо от количества слов в таком сочетании, занимают только одну актантную позицию и представляют фактически одно слово, как это ни парадоксально звучит. Добавим, что внутри такого сочетания немалое место занимают строевые элементы.

В связи с этим обращает на себя внимание пристальный интерес исследователей к коммуникативному фонду русского языка, причем этот фонд составляют не только служебные части речи, но и другие, в большинстве своем знаменательные, реляции. По наблюдениям Л. Г. Зубковой, в русском тексте служебные слова доминируют над знаменательным в соотношении 2 : 1 [18, с. 18].

Современная речь насыщена полипропозитивностью структур. Превалирование признаков слов в высказывании и тексте требует для их грамматической связи большого количества строевой лексики, причем не только традиционных предлогов и союзов, но и других реляций — экспликаторов, классификаторов, связок, реляторов,

модализаторов, авторизаторов, модификаторов. За возможность втиснуть множество пропозиций в прокрустово ложе пятичленного предложения говорящий вынужден платить строевым многословием. Выигрыш в экономии речевых усилий оборачивается проигрышем в семантике, так как свернутая пропозиция таит в себе множество возможных ситуаций. И наоборот, конкретная реализация одной из ситуаций (выигрыш в семантике) вызывает проигрыш в речевых усилиях.

В то же время существенно пополняется и массив традиционных реляций — за счет номинативного фонда языка. Наша работа над созданием реестра единиц, способных в какой-либо своей форме выполнить функцию предлога в белорусском языке (а их оказалось без 8 единиц 10 тысяч, и это не окончательная цифра)⁴ [19], дает основание утверждать, что коммуникативный фонд Языка составляет не меньше 30% от всего потенциала языковой системы. И он поддается описанию, если отказаться от жестких межчастеречных границ и отнестись к языку-объекту не как к конструкту, порожденному сознанием армии лингвистов (прошу понять правильно: этот конструкт был и остается необходимым в традиционной парадигме, но надо идти дальше), а как к непрерывной когнитивной деятельности носителей языка.

У каждого грамматического средства есть определенный предел его функций в силу его же формальной организации, и за пределы этой своей формы оно выйти не может. Беспредельные ономаσιологические возможности языка потому и существуют, что конструктивная ограниченность одного средства компенсируется конструктивными возможностями другого (тоже, конечно, до определенных границ). Отлитых грамматических форм в каждом языке не так уж и много, зато синтактика языка обладает беспредельными возможностями. Думается, что задача лингвистики на сегодняшнем уровне ее развития — изучение тех языковых процессов и механизмов, которые раскрывают эти синтаксические возможности языка, позволяющие объединяться разным грамматическим единицам в рамках одной функции. И если функционально-семантическая (т.е. ономаσιологическая) сторона русского языка получила достаточно полное описание в работах многих научных функциональных школ, то функционально-коммуникативный и в частности функционально-релятивный потенциал языковых единиц, обеспечивающий коммуникативные задачи носителя языка, требует исследовательского внимания.

Говоря о научной парадигме и ее методологических параметрах, следует затронуть и соотношение понятий “парадигма – тенденция – традиция”. Традиция в науке и научная традиция не одинаковые понятия. Научная традиция — это продолжение научной школы, она не прерывается с появлением новых теорий, лежащих в основе школы. Можно говорить о восточнославянской научной традиции, ярким представителем которой является, например, Е. Ф. Карский, ученик А. А. Потебни, основатель белорусского языкознания. Можно говорить о научных традициях Ленинградской и Московской, Тартусской и Пражской, а также других лингвистических школ.

Что касается традиций в науке, то, наряду с уважением к прежним поколениям ученых и их теориям, это еще и “наследование комплекса нерешенных вопросов и методов их решения... привычка к вчерашнему знанию и боязнь поиска” [19, с. 10].

Тенденция – это вектор в прошлое или в будущее. Тенденция в научных традициях – вектор в прошлое, константа научной школы. Тенденция в науке – это вектор в будущее, вектор переменной в научной школе. Обе тенденции сосуществуют в научной парадигме, но в разных плоскостях, обеспечивая тем самым преемственность

---

⁴ Смею предположить, что и союзных средств, с помощью которых говорящий решает техническую задачу упаковки информации в рамках полипропозитивных структур [18], в языке на порядок больше, чем их насчитывается в имеющихся словарях и грамматиках.

научного знания и его же обновление, движение вперед. Традиции в науке и научные традиции в одной и той же плоскости свидетельствуют о научном застое.

Преодоление традиций в науке обязательно связано с отказом от некоторых теорий (например, теория Г. А. Золотовой о синтаксеме сопряжена с ревизией традиционной теории о членах предложения), но она не означает отказ от традиций восточнославянской научной школы (например, от внимания к языковому факту). Вместе с тем научная традиция и приверженность к определенной научной школе не должна вести к самоизоляции, от которой предостерегает А. Е. Кибрик: «Для науки о языке русский язык есть не более чем одна из 6000 реализаций Человеческого Языка... Поэтому в мировой лингвистике все более обязательным становится описание каждого языка в типологической перспективе – в той степени, в какой это возможно в настоящее время. Такое описание осуществляется в единых терминах, отражающих реальные сходства и различия между языками и покрывающих типологическое пространство варьирования» [15, с. 20].

За пределами нашего краткого обозрения (мы отдаем себе отчет и в достаточной степени субъективности в отборе методологических изменений) осталось огромное число других проблем методологического характера. Но и рассмотренных достаточно, чтобы представить, сколь необозримы и глубоки просторы лингвистики, сколь важно знание о Языке как ценности бытия для того, кто создан по образу и подобию Божию, но кто так до сих пор еще и не узнал, для чего он в этот мир явлен. Равно как и не разгадал, что стоит за столь часто повторяемой фразой: «В начале было Слово...».

РЕЗЮМЕ

Залишаючись на позиціях еволюції сучасної наукової парадигми в лінгвістичних дослідженнях, автор показав зміни у її параметрах та ті методологічні підходи до об'єкту та предмету дослідження, котрі обумовлені такими змінами. Особливий акцент ставиться на необхідності відмови від жорстких меж між рівнями мови, прийнятті принципу континуумності мови та уваги до корелятивного потенціалу мовної системи.

Ключові слова: парадигма, методологія, лінгвістичні дослідження, комунікація, функціоналізм.

SUMMARY

Staying on positions of evolution of the modern scientific paradigm in linguistic studies, the author shows the changes in its parameters and those methodological approaches to the research object and subject, which are caused by these changes. Special emphasis is the need to abandon the rigid boundaries between language levels, taking the principle of language continuum and attention to the relative potential of the language system.

Key words: paradigm, methodology, language studies, communication, functionalism.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Трубачев, О. Н. Славистика на пороге XX века [Текст] / О.Н. Трубачев. – Русский язык в школе. – 1999. – № 1. – С. 95–100.
2. Норман, Б. Ю. Парадигма русистики: эффект расширяющейся Вселенной [Текст] / Б. Ю. Норман // Труды и материалы I Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13 – 16 марта 2001 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 432.
3. Ильин, В. В. Теория познания. Эпистемология [Текст] / В.В. Ильин. — М. : Наука, 1994. — 168 с.
4. Сусов, И. П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики [Электронный ресурс] / И. П. Сусов // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. В 2 ч. Ч. 1. — Тамбов, 1998. Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Integr.htm>. — Загл. с экрана.

5. Фоменко, Ю. В. Лингвистика должна оставаться наукой [Текст] / Ю.В. Фоменко // Труды и материалы I Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13 – 16 марта 2001 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 18.
6. Иванцова, Е. В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила [Текст] / Е. В. Иванцова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. — 162 с.
7. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое Литературное Обозрение, 1996. — 352 с.
8. Кузьмина, Н. А. Интертекст как философская модель описания языковых процессов [Текст] / Н. А. Кузьмина // Труды и материалы I Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13 – 16 марта 2001 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 13–14.
9. Поликарпов, А. А. Неолексикология: системно-теоретические основания [Текст] / А. А. Поликарпов // Труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2007 г. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. — С. 29–30.
10. Проблемы динамической лингвистики: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. Л.Н. Мурзина (Пермь, 12 – 13 мая 2010 г.) [Текст]. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2010. — 289 с.
11. Воротников, Ю. Л. Врожденные концепты, семантические кварки и смысловые исходы [Текст] / Ю. Л. Воротников // Филологические науки. — 2007. — № 3. — С. 47–52.
12. Засурский, Я.Н. Журналистика и мир на рубеже тысячелетий [Текст] / Я.Н. Засурский // От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже тысячелетий / Отв. ред. Я.Н. Засурский и Е.Л. Варганова. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — С. 12–36.
13. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] / Ю.Д. Апресян. — Т. 2. — М. : Наука, 1995. — 767 с.
14. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц [Текст] / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. — М. : «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 304 с.
15. Тукова, Т. В. Динамика родовых форм в русском языке [Текст] / Т.В. Тукова // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 37.
16. Юрченко, В. С. Космический синтаксис: Бог, человек, слово [Текст] / В. С. Юрченко. — Саратов, 1992. — 138 с.
17. Кибрик, А. Е. За преодоление русоцентризма русистской грамматической традиции [Текст] / А.Е. Кибрик // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 20.
18. Зубкова, Л. Г. Причины политипологизма и его проявления в русском языке [Текст] / Л. Г. Зубкова // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 17–18.
19. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. [Текст] / М.І. Канюшкевіч. — Гродна : ГрДУ, 2008 — 2010; Ч.1. Дыяпазон А – Л. 2008; Ч. 2. Дыяпазон М – П. 2010; Ч. 3. Дыяпазон Р – Я. 2010.

20. Шмелева, Т. В. Техника сложного предложения [Текст] / Т.В. Шмелева // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: коллективная монография / сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. — Тюмень : Мандр и К^а, 2010. — С. 116–133.
21. Золотова, Г. А. Традиции и тенденции в современной грамматической науке [Текст] / Г. А. Золотова // Труды и материалы I Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13 – 16 марта 2001 г. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 10.

Надійшла до редакції 14.10.2013 р.